

появляется такая фраза: *Ой, и хитрая ты, как мышонок*, в которой налицо типично женское междометие, да еще деминутив в качестве объекта сравнения.

Индивидуально-авторские сравнения образуют несколько функционально-семантических групп (далее ФСГ). Ядром таких ФСГ служат языковые сравнения, на периферии же располагаются авторские сравнения сходной семантики, но образованные другими лексемами, называющими объекты сравнения. Так, особую группу представляют сравнения со значением 'ненормальность'. Ядром ФСГ является сравнение, фиксируемое словарем (*как ненормальный*), периферию образуют индивидуально-авторские сравнения: *как безумная, как идиотка, как у полного идиота*. По нашему мнению, обилие подобных сравнений связано вообще с темой аномальности, ненормальности человека у Петрушевской. Другая ФСГ - сравнения с семантикой 'тонкий' (*как жердь* - ядро, *как трость, как хлыст*).

Авторские сравнения представляют интерес и в лингвокультурологическом отношении. С этой точки зрения выделяются две группы в соответствии со сферой, к которой принадлежат объекты сравнений: культура или быт.

Е. Г. Власова
Пермь

СТИХОТВОРНЫЙ ПЕРЕПЕВ В ГАЗЕТНОЙ ФЕЛЬЕТОНИСТИКЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

Природа перепева как игровой формы использования чужого текста тесно связана с появлением стихотворного фельетона и спецификой газетно-журнальной сферы бытования фельетонного жанра. Регулярность и широкая распространенность стихотворного фельетона как "легкого" поэтического жанра, его стилистическая свобода и предрасположенность к игре стали благодатной почвой для перепева. Этот прием находится на грани пародирования и плагиата, невозможность которых в равной степени обеспечена основным требованием перепева, а именно абсолютной узнаваемостью его источника.

Прием перепева был разработан в журнальном творчестве поэтов-некрасовцев. По сравнению с массовым перепевом начала XX века перепев Н. Некрасова в большей степени связан с пародийным использованием. Это была своего рода цитация, не исключавшая иронического отношения к абсолютизации чужого текста. Ситуация

неожиданного использования классических образцов “для усиления комического эффекта... направленного против объекта сатиры” (И. Ямпольский) - даже вне зависимости от желания автора - имела и обратное направление. Н. Скатов, апеллируя к мнению Ю. Тынянова, вскрыл стилистическую сущность некрасовского перепева, который стал симптомом “сдвига старой поэтической формы”, произошедшей в творчестве поэтов-некрасовцев, фактом “снижения традиционной поэтичности” и “обретения новой”. Изобретение этого приема, его “инновация” (Л. Гудков) были смелым литературным экспериментом Н. Некрасова. В творчестве В. Курочкина и Д. Минаева этот прием многократно повторяется, доводится до своего художественного разнообразия и исчерпания.

В газетном фельетоне начала XX века этот прием попадает в сферу массового газетного авторства и приобретает иные литературные и культурные функции. В газетной фельетонистике проявляется более далекая от пародийной природа перепева. Массовый фельетон актуализирует его “графоманскую”, “эпигонскую” природу.

Интерес газетного фельетониста к этому приему, безусловно, связан с проблемами необходимой регулярности фельетона, газетным заказом. Конвейеризация газетной работы ставит фельетониста перед проблемой расщепления формы фельетона, привлечения читательского внимания. “Игровое” заимствование становится одним из самых удобных и действенных средств фельетонной выразительности. Ведь источником перепева всегда служили образцовые поэтические тексты. Только для поэтов-некрасовцев ими были ближайшие поэтические опыты, а для массового фельетониста - гимназические, хрестоматийные примеры (а в принципе те же): “В степях биармийской суровой земли / Две чудные пальмы когда-то росли ...”, “Скажи-ка, дядя, ведь недаром / Гуляньем нашим за бульваром / Пермяк так дорожит?” и т.д. Массовый фельетон начала века подчеркнул некоторые функциональные механизмы популярности фельетонного перепева, которые нельзя игнорировать и при анализе творчества поэтов-некрасовцев. Вопрос о свободе заимствования, некой облегченности отношения автора фельетона к форме вполне закономерно встает и при изучении фельетонного наследия “отцов” жанра - Курочкина и Минаева.

Популярность перепева классических текстов в газетном фельетоне начала века свидетельствует о наличии вполне определенных культурологических особенностей массового сознания. Прежде всего - это его вторичность по отношению к актуальным художественным

процессам времени, его консерватизм и анахронизм. В этом плане массовый перепев - в отличие от Некрасовского фельетона - отнюдь не должен противостоять классике, он популяризирует и утверждает ее в качестве единственно достойного эстетического и духовного ориентира. Так, как это ни странно покажется на первый взгляд, массовый фельетонный перепев примкнул к противостоянию классики и модернизма, сложившемуся в литературе начала века. В общей перспективе истории русской литературы этого периода, учитывающей не только ее центральные, но и фоновые тенденции, он стал знаком спонтанного сопротивления модернистским экспериментам.

Однако от амбивалентной направленности перепева оказывается несвободным и массовый фельетон. В нем прорывается стихия бытового, литературно неискушенного смеха, который непреднамеренно втягивает в комическую сферу не только объект фельетонного описания, но и источник перепева. Близость к массовой городской культуре позволяет говорить о родстве массового фельетонного перепева с пародийными жанрами фольклорного происхождения. Амбивалентная, игровая природа перепева способствует превращению этих образцов - при многократном утилитарном использовании - в клише, штампы.

Так, история перепева, включающая особенности его адаптации массовым фельетоном, становится вполне актуальной для характеристики общих эволюционных процессов, произошедших в русской литературе с середины XIX до начала XX века.

Л. Э. Володина
Екатеринбург

ЖАНР “ЖИЗНИ АРСЕНЬЕВА” И. БУНИНА КАК ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

“Жизнь Арсеньева” занимает особое место в творчестве И. Бунина и в истории русской литературы. С первых публикаций “Жизни Арсеньева” критика обратила внимание на совершенство этого произведения, проявившееся в согласованности формы и содержания, замысла и стиля. Общим ощущением исследователей было то, что “Жизнь Арсеньева” – это произведение, с трудом поддающееся анализу, “вещь нового, еще неназванного жанра” (К. Паустовский). Таким образом, определение жанровой принадлежности книги было осознано как самостоятельная литературоведческая проблема.